

Воображая модернность по-новому: биофизические ресурсы и логика социоэкологических преобразований

Петер Вагнер

Заметки к семинару 16.09.2020, исключительно для использования на семинаре, не подлежит распространению.

Часть 1. Модернность как институция и воображение

1. Теория модернизации и исторический материализм представляли себе (воображали) модернность как историческую траекторию по направлению к большей свободе и лучшему удовлетворению потребностей, хотя первая видела эту траекторию более гармонической, а второй – наполненной конфликтами. Но обе теории являлись скорее зеркальными отображениями, чем прямыми противоположностями в своём видении модерности.

2. На протяжении двадцатого века эти теории обеспечивали аналитическим инструментарием изучение существовавших институциональных механизмов, в том числе либерально-демократического капитализма и «реально существовавшего» социализма. В какой-то момент либерально-демократический капитализм стал считаться главной институциональной формой модерности, тогда как социализм представал сознательно развиваемой альтернативой (альтернативной модерностью).

3. Понятие «множественные модерности» появилось именно в тот момент, когда имевшаяся альтернативная модернность стала исчезать. В своём первоначальном смысле понятие указывало на прошлое, будучи укоренено в сравнительной исторической социологии, которая

анализировала то, как «классические цивилизации» столкнулись с «западной модерностью» и создавали свои – новые – интерпретации модерности.

4. Параллельно, однако, на авансцену выдвинулось более широкое понимание двойственности и противоречивости, присущих современным ценностям (modern commitments), что привело к осознанию большей открытости модерности разным интерпретациям. В отличие от происхождения идеи «множественных модерностей» из истории и социологии, эти размышления опирались на (социальную и политическую) философию и глобальный активизм, поскольку последний настаивал на том, что «другая модерность возможна» (если перефразировать лозунг the World Social Forum).

5. Если сравнить два подхода, то можно отметить, что первый недооценивает человеческую способность к воображению и потребность в коллективном творчестве по осознанному изменению общества. Второй же недооценивает действительную осуществимость или, иными словами, степень ограничения реальностью возможного разнообразия осуществимых модерностей.

6. Взглянув на историю девятнадцатого и двадцатого веков уже в этом свете, можно увидеть, как коллективное воображение лежало в основе (революционных) институциональных преобразований; как созданные институты столкнулись с ценностными (normative) и функциональными ограничениями; и как возобновившееся коллективное творчество продолжило далее менять институты, создавая серию «последовательных модерностей».

7. Такие серии институциональных преобразований в каком-то смысле можно считать уроками истории, обучением в ходе исторического процесса, что ни в малейшей мере не означает, что они сводимы к траектории линейного прогресса. Для этого есть две причины: во-

первых, пере-интерпретация может разрешить какие-то существующие проблемы, но тем самым, в виде непреднамеренных последствий, привести к новым – иногда более серьёзным – проблемам; во-вторых, любая исторически сложившаяся интерпретация может ошибиться в оценке или не осознавать вовсе ограничения осуществимости <своего проекта>, которые выясняются лишь в более длительной исторической перспективе.

Часть 2: Биофизические ресурсы и логика социально-экологических трансформаций модерности.

8. Наиболее часто датой начала модерности считается рубеж 19го века, когда разрыв с прошлым в культурном, интеллектуальном, политическом и экономическом аспектах становится очевиден. Есть серьёзные аргументы против выделения такой «точки» разрыва, но есть и не менее существенные причины для того, чтобы этот разрыв подчеркнуть, и последние еще не получили достаточно внимания.

9. Среди таких причин особое внимание следует уделить тому, как изменилось использование биофизических ресурсов и как это повлияло на условия организованной общественной жизни. Систематический анализ отношения между социо-политическими интерпретациям модерности и использованием биофизических ресурсов даёт иную картину исторической траектории форм модерности и, как следствие, влечет за собой новый способ вообразить модерность в целом.

Три преобразующих момента глобальной модерности.

10. Около 1800 г. западноевропейские общества смогли преодолеть мальтузианские ограничения на производство и поставку пищи. Это стало возможным благодаря открытию «вертикального пограничья» (“vertical frontier”) биофизических ресурсов (уголь и железо) и трехсторонней атлантической торговле, в которой использование труда африканцев на американской почве освободило большее количество

европейцев для труда, не связанного с производством пищи. Эта новая констелляция стала известна как «европейский отрыв» или позднее «великое расхождение путей» между западной Европой и остальным миром.

11. Период с 1870 по 1914 г. часто именуется «первой глобализацией». Такое именование справедливо подчёркивает продолжающееся расширение мировой торговли и углубляющуюся асимметрию между регионами мира в экспорте материалов и экспорте производственных товаров, появившихся благодаря второй промышленной революции на основе овладения химией и электричеством. С точки зрения ресурсов, однако, для этого периода характерен рост потребности в нефти и газе, что повело к «золотому веку ресурсного развития». В то же время в этот период происходит масштабная эмиграция из Европы в Америку и Африку, а также усиление институтов государства в этих регионах. Эти консолидирующиеся государства, с одной стороны, все больше включались в общества Европы, а, с другой, утверждали социальные иерархии и формы исключения в Латинской Америке и Южной Африке. Таким образом, этот период заложил фундамент «великого ускорения», которое приблизило нас к исчерпанию биофизических ресурсов в конце двадцатого века и, главным образом вследствие колониальных и квазиколониальных условий, к пропасти между «развитыми» и «слаборазвитыми/развивающимися» странами после второй мировой войны.

12. Период с 1990х гг. по настоящее время, обычно именуемый эрой глобализации, или «второй глобализацией», отмечен третьей промышленной революцией, связанной с информационными и коммуникационными технологиями, продолжением «великого ускорения» в использовании ресурсов; относительной деиндустриализацией ранее промышленных центров и

индустриализацией других регионов мира, в частности Восточной Азии; усиливающимся международным разделением труда, включая услуги и особенно работу по уходу и заботе; миграцией из стран с низким уровнем дохода в страны с высоким уровнем дохода.

С точки зрения комбинированной социально-экологической перспективы выделяются три особенности: рост Китая с его высокими потребностями в ресурсах, промышленным производством и выбросами загрязняющих веществ, а также быстро растущими средними доходами; использование миграции для социальной мобильности при отсутствии местного развития; и растущая озабоченность глобальной устойчивостью и планетарными границами. Тесная связь между использованием ресурсов и достижением целей социального благополучия сохраняется в течение этого периода, но меняется форма и приводит к новым примерам уязвимости. Другими словами, настоящее время – это период быстро растущей озабоченности проблемами планетарного порядка: как изменением климата, так и социальным неравенством, но конstellляция этой проблематики также смещается из-за преодоления некоторыми странами глобального разрыва (global divide) за счет увеличения использования биофизических ресурсов и благодаря региональному росту в достижении социального благополучия.

Воображая глобальную модернность по-новому через связывание социальных и экологических процессов

13. Отмеченные до сих пор особенности представляют собой большие, возможно, непреодолимые вызовы двум основным рамкам объяснения глобального социального развития – теории модернизации и историческому материализму, или в современных терминах: теории неомодернизации и теории мировых систем. Невозможно, чтобы все общества автономно создавали «модернизирующие» институты,

способные достигать нынешних порогов социального благополучия при условии устойчивого использования биофизических ресурсов; но также невероятно, что «периферийные» общества настолько подвержены логике капиталистической глобализации, что она подрывает все их подобные попытки. Новый взгляд на долгосрочные глобальные процессы подтверждает, что обе основные объяснительные системы несостоятельны. Скорее, анализ взаимосвязи между социальными и экологическими процессами должен сосредоточить внимание на том, каким образом эксплуатация биофизических ресурсов, а также избирательное прочерчивание и открытие границ позволяют переносить социально-экологические проблемы из одних регионов мира в другие, но одновременно порождают реакцию со стороны регионов, в которых эти проблемы были перемещены. Растущая переплетённость (entanglement) и взаимозависимость превращают эти вытесненные в другие регионы проблемы неизбежно в глобальные проблемы, однако ответственность за их решение не может быть напрямую переложена ни на якобы суверенные государства, ни на дисперсных акторов капиталистической глобализации.

14. Чтобы лучше понять историческую траекторию глобальной модерности, необходимо проработать логику социально-экологических трансформаций, которая не является ни эволюционной логикой модернизации, ни историко-материалистической логикой капитала, но открыта исторической случайности и коллективному творчеству человека, а также способна различать особенности ситуаций регионов мира.

Приведу один пример для нашего обсуждения: в течение XX века Россия, Япония и Китай (в этой последовательности) продемонстрировали способность, по крайней мере до сего дня,

успешно строить государство и проводить индустриализацию под руководством государства. Их развитию не препятствовала постоянная зависимость от капиталистической мировой системы, но их развитие не происходило и в соответствии с ожиданиями теории модернизации. Параллельно следует отметить, что ни одна из этих стран не была полностью подчинена европейскому колониализму; они также не были превращены в полностью зависимых экспортеров ресурсов (commodity exporters) и не принимали большого числа европейских эмигрантов, все это в отличие от Южной Америки и Южной Африки.

Барселона, 13 сентября 2020 Года